

ЛИТЕРАТУРНЫЙ САМИЗДАТ

ВЫПУСК ВОСЬМОЙ · ЯНВАРЬ – ФЕВРАЛЬ 2003 ГОДА · САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

«А если что и остается
    чрез звуки
    лиры и трубы,
то Вечности жерлом пожрётся
и общей не уйдёт судьбы!»
Гаврила Романович Державин,
покидая пределы
    земного бытия,
ни себе, ни последышам своим
    литературным
    надежды не оставил.
Но безнадежное это дело –
    рассказать себя самого
    до последнего слова,
даже старательно избегая
    прямой речи,
не употребляя местоимения
    единственного числа,
    первого лица, –
    прилипчиво,
как неистребимая зараза,
может быть ещё и потому,
что в какое-то мгновение
    наивысшей свободы
и запредельного восторга
    автор волен
    прокричать что-то вроде
«Ай, да Пушкин! Ай, да сукин сын!»
или «Един есть Бог!
    Един Державин!»

Жизнь проходит безжалостно и быстро. Язык меняется, становясь жестче и энергичней, впитывая если не всю пестроту наречий, то пестроту интонаций. И в самодовольном самообольщении поэт не всегда «догоняет», не всегда «врубается», и продолжает долдонить среднелирический текст на общеупотребимом литературном языке. И когда за колючую проволоку литературного языка уже не прорваться, тогда тексты мертвы, даже если оплачены жизнью и судьбой. Никто не знает наперед как надобно писать, это улавливается завистливым ухом, учувшим в говоре толпы неслыханное прежде речение, за остроту которого заплатил бы пусть не всей жизнью, но уж точно – несколькими днями без колебаний. Похоже, что философия времени выражена не языком, а прежде всего в языке, и дело поэта – дело греческой губки – впитать, напитаться до пресыщения и отдать... В сущности об этом и у одного из лучших поэтов ушедшего столетия:

*«Поэзия – греческой губкой в присосках
Будь ты – среди зелени клейкой
Тебя положу я на мокрые доски
Зеленой садовой скамейки...»*

Тексты, представленные в этом номере АКТа, свидетельствует о неистребимом свойстве поэзии возникать вопреки эстетическим догматам.

Тамара Буковская

***

Будто в царстве теней – так тиха эмигрантская жизнь.
Только – чу – за спиной – хитроумные шорохи лисьи.
Вот и осень опять. Разноцветная память, кружись!
Прижимайтесь к ногам, потерявшие родину листья...
Это время моё: золотая, без грязи, печаль.
Паутинка блестит... Обойти, не задев паутинку.
С неуютом в крови не Господь ли меня повенчал?
(Если тесно ступне, то едва ли просторно ботинку).
Что-то исподволь жмёт... Может, строчка о Царском селе,
Где лицейское братство бродило в дешёвом портвейне...
Оголилась душа. Разметало друзей по Земле.
И не верность в цене, а наёмный убийца – ротвейлер.
Я породы не той. И не тех предприимчивых вер,
Что идут нарасхват: кто – в сутаны, а кто – в бизнесмены...
Мне явилась звезда, полуночный небесный курьер,
И велела не знать сотрясений плебейской арены.
Молча в чашу уйти, чтоб и солнечный луч не сыскал,
Чтобы вечнозелёной тоскою душа искололась:
И свекрknёт, и окатит такой колокольный вокал,
Что отпрянешь на миг, не узнав свой собственный голос...

***

Помню, как это было: письмо – из-за рубежа...
Ну, конечно, разрезано...(Эти ли станут стесняться...)
В коммуналке соседи, на штемпель косясь, сторонятся
и швыряют картошку в кастрюли, от гнева дрожа.
Этот странный придуманный мир... даже чуточку жалко...
Этот люмпенский пафос то ярости, то доброты.
Если кто-то помрёт – в шесть ручьёв голосит коммуналка,
и несёт винограды, и дерётся за стол у плиты...
Где теперь вы, соседки, чьи руки пропахли ментаем,
а песцы – нафталином... Да живы ли? – Ведает кто...
Иль сердца разорвались, узнав, что хоть в космос летаем,
но в других-то мирах: что ни осень – меняют пальто...
Донесли ли до вас басурманского Запада ветры?
Возм и нет уже в «Правде» размашистых карикатур
на чужих президентов... Я помню квадратные метры,
по четыре – на жизнь... (Написись-ка на всех кубатур...)
Эта горькая честь, эта гордая участь Победы...
Как блестели медали, и слёзы, и ткань пиджаков...
А ещё был алкаш, он без вилки – руками – обедал,
и мечтал, что весь мир скоро освободит от оков...
Он дверьми громыхал на крамолу моих разговоров...
Телефон – посреди коридора, прибитый к стене –
на бордовых обоях среди золотистых узоров,
что поблекли давно и достались дописывать – мне...
Может, так и пестреют друзей номера... Или всё же
разразился ремонт и явился хозяин всему...
И – конец коммуналке. И сгнули пьяные рожи.
Как вишнёвый мой сад... Так затеплю хоть строчку ему...

***

То ли ломится бешеный яркий ландшафт,
то и дело меняясь, в стекло ветровое?
То ли фрески Шагала до звона в ушах
разрослись, и смыкаются над головою?
Всё возможно под куполом этих небес,
Где в прищуре солдата – печаль Авраама,
где пилястрами стройными лепится лес
и однажды в столетие скворчит телеграмма.
Как лиловы оливки, и как апельсин
нестерпимо оранжев, на зависть Манджурий...
Над спящим песком – паруса парусин
и араб в неизменном своём абажуре...
Все мы родом из этих горчичных земель,
что являют прообраз и ада, и рая,
где, как в детстве бронхитом, палитровый хмель
и восторг сотворенья... И вот он, Израиль!
Я намокшую прядь поправляю крылом
и не ведаю, сколько веков отмахала...
И венчает картину, мелькнув за стеклом,
смуглый ангел пустыни, патрульный ЦАХАЛа...

***

Интернет заменяет книгу, как интернат – родителей...
Оказалось, шелест страниц был её содержанием.
Что там лепечут листья? Воятилей и воителей
мир вспоминает позже, занят подорожанием.
Вот ведь какое выпало: дальние трогать страны...
Мало того, – эпоху, прежде невероятную.
Впрочем, как все эпохи... Осенние ветераны
роняют медали наземь. И клятву, уже невнятную...
Кто победил? Не знаю. Наверно, размах строительства.
(Поле, о, поле, кто тебя усеял сплошь лагерями...)
Если в отставку выйдут все на свете правительства,
Бог и сам разберётся...(Я ему доверяю.)
Буквы дышат под пальцами как позвонки под кожей.
Помнит ли клавиатура о родстве с фортепьяно?
Впрочем, все формы жизни друг на друга похожи.
как и её герои: Чапаев – на Дартаньяна...
Скушно мне, брат Пелевин, чаянья насекомых
не увлекают. Живопись? Чёрен квадрат монитора.
Дети учатся падать, упрямые, босикомые...
Не в этом ли смысл страдания: сдвигая восторг повтора?
Шуршат биржевые верлибры. Поэт начинает ёрничать.
Торговые люди крутятся у Библии и Корана.
И вдруг вослед Вавилонской – заносчивые нью-йоркские.
О, мир, отшатнись от зеркала – в нём жертвенный взгляд барана.
А как ведь всё начиналось... Как это стихотворение:
с технического прогресса и щепотки иронии...
Верни нам слухство и зрячество, Господь, и крупинку Времени:
всё прочее – только к распрям... Имели – да проворонили.

***

Отвоспевала. Настала пора отпевать.
Мир покидают угрюмые нежные люди.
Чуть засидишься – и некого больше позвать
к чаю, к отчаянью, просто по имени будет...
Прав победитель*: ласкала дряхлеющий мир
с горького детства, с которым расстаться не в силах.
Мне этот мир оттого лишь, наверно, и мил,
что в нём поэты толпились как в братских могилах.
Зодчего Росси – желтеющей узкий пенал.
Перистый просверк в кромешной чернильной Фонтанке...
Было ли всё? Пиром правит не Бог, а пиар.
Правнуки ямбов проворно влезают на танки...
Чем громоздиться и хохлиться птицей в углу,
лучше – с утёса: попробовать крылья на крепость...
(Болью зубной заражая других на балу,
с ними вприсядку кривляться – какая нелепость...)
На Богословском, Смоленском ли, Волковском – тишь.
Радость скупая: дрожащий листок на граните.
Вот я и дома... И всюду – идёшь ли, стоишь –
голос Оттуда: Семёнов... Родители... Витя...

*победитель – с древнегреч. – Виктор

***

Знаю: Родина – миф. Где любовь – там и родина... Что ж
Не вдохнуть и не выдохнуть, если ноябрь и Россия...
Лист шершавый колюч как в ладони уткнувшийся ёж,
И любой эмигрант на закате речист как Мессия...
Ибо обе судьбы он изведал на этой земле.
От креста оторвавшись, он понял, что это возможно:
И брести, и вести босиком по горячей золе
Сброд, который пинком отпустила к Истокам таможня...
Для того и границы, чтоб кто-то их мог пересечь
Не за ради Христа, не вдогонку заморских красавиц;
И не меч вознести, а блистательно острую речь!
И славянскою вязью еврейских пророков восславить,
Зная: Родина – мир... Где любовь – там и родина... Но
И любовь – там, где родина... Прочее – лишь любованье...
Как темно в этом космосе... (Помните, как в «Котловане»...)
А в России из кранов библейское хлещет вино...

***
 Пятипалая –
 черная,
 белая –
 алая,
 если
 смотреть
 на просвет,
 невесомая,
 словно бы
 нет
 плоти в ней,
 как
 в небе
 летающий,
 тающий,
 лающий,
 пятиголовый
 змей.

* * *
 Человек
 как рука
 пятипал,
 пятиоств,
 голова
 в небесах,
 ноги
 чуют погост,
 на все стороны
 крест –
 ост ли зюйд,
 норд ли вест,
 но прошедшие
 Гост
 лягут здесь
 в полный рост.

***
 такая простая
 как черная
 точка занозы
 сослепу до света
 начинается жизнь
 где всё к месту
 колесо в колею
 лыко в строку
 но там без тебя
 без меня
 как-то ладится
 впрочем к тебе
 приглядятся ко мне
 приглядятся и к тем
 или мы приглядимся
 сгодимся притрёмся
 к такой никакой
 как растянутый свитер
 старой жизни
 а все же своей
 никудашной а нужной
 недужной наружной
 натужной окружной
 ты ведь знаешь,
 что ни к этой
 правильной,
 чопорной,
 успешной
 комильфотной,
 гламурной,
 ни к той
 отвязной,
 заразной,
 божжовой
 и праздной

ты не приписан
 нет тебя
 ни там ни там
 ты где-то
 промеж т.е.
 в промежуности
 жизни
 вот-вот там
 в этом самом месте
 и никто тебя
 уже не сыщёт
 хоть кукуй
 хоть аукай
 хоть иди на ...уй

***
 Жить бы мне в консервной банке
 и смотреть немые фильмы,
 отбивая в такт ногою
 Скотта Джоплина музон,
 плыть бы мне, американке,
 на колесном пароходе
 по Гудзону, Миссисипи,
 по Миссури, наконец...
 и, мешая виски с содой,
 или, лучше, не мешая,
 никому и не мешая,
 уплывать за облака,
 на воздушном гондольфьере,
 на брюхатом цеппелине,
 не желая даже думать,
 где придется при-зем-литель-
 себя и литься, литься,
 литься, литься, литься
 долгим дождиком на землю,
 оставляя в небе голом
 белый пухлик пустоты...

***
 Теплым ветром с Фонтанки
 закончится лето. Привет!
 У него, что ль спросить:
 доживу ли до...или? Ну, да или нет?
 Не ему ль рассказать,
 как заходится сердце, когда
 подступает под горло
 свинцом налитая вода,
 за решеткой чугунной,
 за гранью гранитной узды
 плещет, моет, полощет,
 качает подобье звезд,
 расстиляет и морщит
 не месяц – ошметок луны,
 той, что щерится сверху
 улыбочкой местной шпаны.
 Теплым ветром с Фонтанки.
 Ну, вот же тебе – надышись!
 На весь день, на весь год,
 на весь век, на всю жизнь...

***
 Небо, вода, горизонт –
 вывернут сломанный зонт –
 из Божьей купели младенец
 выплеснут – город ли, немец.
 Плачется? Божья роса!
 Гола душа, да боса,
 боса, да гола – глаголом
 слух не смущен, не проколот.
 Жалиться? Был б кому!
 Господу хоть самому,
 низкому небу, воде,
 или Полярной звезде.
 Ближе не сыщется друг –
 столько свободы вокруг!

***
 по фонтанке не лёд и не мёд
 водяница-крупница ползёт
 в мелком крошеве-грошеве
 расползаются прошвами - йод
 ты тверди себе – надо же вот
 жисть жестянка житуха живот
 поманула и, ёптить, пройдёт

***
 и колбасит и глючит и плющит
 и морозит и дрючит и луцит
 и сжимает душу в комок
 мрак – велик, человек – одинок
 в ноябре серобрысом сыром
 ты себя ощущаешь горбом
 или холмиком плоти живой
 над своей же болящей душой
 ей же ей ай-я-я-й ой-ё- ёййй
 слух замкни и не слушай ты вой
 кто ж там мутит так шутит с тобой
 на пустом пустыре на кладбище
 ветер что ли так жалобно свищет
 или дудка в груди твоей врёт
 оду к радости жалости йод
 ты не бойся чего там живи
 день за днём через зубы цеди
 сквозь дыхание с посвистом свистом
 в петербургском нетрезвом иглистом
 неживом неродном ножевом
 живопырном немирном парном
 цельнокроенном воздухе жизни
 вечной родины млечной отчизны

***
 Опустит занавес зима:
 февральским снегом,
 напоследок,
 не то, чтоб выбелив дома,
 но гипсовый оставив слепок.
 Потом скопирует, потом,
 сейчас – запомнить и заметить,
 и замести – горой, горбом
 и, что ли, крестиком отметить,
 и без поклона наутек,
 метелью, всплесками, захлебом
 такого ветра, что глоток –
 взамен стакана водки с хлебом,
 и жалуясь, кому ни весть,
 на свой пропад и неудачу,
 все с рук спусти, все что ни есть-
 судьбу, задачник и задачу.

***
 В холоде голом, бессвязном, безлистом,
 в воздухе полом, как ветер со свистом,
 что тебе делать, как тебе быть,
 новую, что ль, канитель заводить?
 Заново, наново, что же тут странного?
 Да неохота чего-то идтить...
 Тить бередить или ити вредить...
 дурь ли чудить или чудь городить
 лучше уж начисто все позабыть -
 припорох веры, печать ремесла
 начисто дочиста с имени отчества
 рода породы и суммы числа.
 В холоде полом, отвязном, иглистом,
 воздухе голом, ребристом, коггистом...
 конфуцианствующим маоистом,
 Кейджем, играющим Ференца Листа,
 с tabula gassa без крышки и дна
 жалобно так, мол, живем снова...
 в холоде молоте, голоде молодежи
 с тремоло страсти беззубого рта...
 там-тара-рам, тра-та-та, та, та, та...

**Напрасные обиды
/некоторые особенности/напряженные ожидания**

она отдана

она отдана другому мужчине
не раз и не два, но не в том сисипуси,
видак барахлит, пора бы в починку
снести его, сильно приплюснут

нос у того чучмека, прорежена гречка
небрежно, не выпендрож гусарский,
она отдана, дембеля рукоблудят, млеко
сочится, пиццы прогорклые слайсы

шелушатся, полиомиелитные детки
в санатории, в клинче сцепились, джипси
попрошайничают визгливо, от горя деться
некуда, она отдана, двужильным

и тем не стерпеть, опустили
ниже уровня плинтуса, патлатый
музмен что-то бубнит, с тыла, текстильный
комбинат простаивает, сглаты-

вал и отхаркивал, за кордоном
все та ж лабуда, она отдана, надои
повышаются неуклонно, карман дырявый
не залатать, не вырулил дяденька, прядью

помавает, прошляпила шайка-лейка
свою удачу, в углу стригунок-малолетка
разревелась, в тимбукту спешка
ни к чему, она отдана, португепя

поскрипывает, два пиррихия, такая
херня, кривоватый кеннинг у скальда
складывается, она отдана, паромщик
наводит мосты с пассажирами, кролик

так удава и не увидел

опыт не прибавляет

опыт не прибавляет, с будильника
содрана кожа времени, озноб, обжегся еще раз,
сила и мудрость причем, такое мудилово,
что за любовь, улыбочка с прищуром,

смердяковщина, кряква, буханка нарезана
наспех, после смены народ ломанулся,
троглодиты, с балаболкой миндальничал, жезл бы,
посох и свиток, здорово шизанутый

водила лихачил, о перепихе вякнула
второпях, опыт не прибавляет, парня
охомутили, мундштук, арапник, в связях быть
поосторожней, на нем лица нет, пропащий

вид, опыт не прибавляет, еще граммулю бы
залить, смели подчистую, балка
на долбанутом кронштейне, искал кому бы тут
залепить, жарень, и сицилиана, банный

день, она трепло то еще, но миляга, клейкая
пшеника, ее назойливо домогался
годами, опыт не прибавляет, ее колечками
сыт не будешь, брехня это все, рогатка

куда ни кинь, симпатизируя отказала хоть
и могла по другому, съели уже, дудки,
на кровати сидела, без всего, заказчики
всегда правы, все съели, мимо идущий

козу показал, засветло

ненужные поверхности

ненужных поверхностей кривда, с прицепом
дергач, пререкался в благих целях,

пристрастился к спиртному, натужно боров
опростался, ненужных поверхностей обработка

термическая, перед нею филонил, жажнул
две-три порции, сплеховал, еще нажалу-

ется хрычовка, железистое обожанье
ненужных поверхностей, не проскоблить кинжалом

ровнехонький желобок, лоханулся, с миру
по нитке тянул, так облажаться, ломиться

даже не в дверь, в перекошенную рожу
ненужной поверхности, с облучка, без подорожной,

кое-как, наклюкался сильно, спондея
не удержать и дрожащей, с исходной действо

не задалось, да не парься, попалась давалка
ненужных поверхностей, в шалмане свадьба

гуляет, эргону прикинуться лестно
энергейей, ненужной поверхности плесень

зацветает, приступка узка, подрясник
мал, гудят логазды, разрыхленные градки

прополоты явно так саяк, борона ржавеет
поодаль, дни удлиннились, веялка под навесом

завалилась, ненужных поверхностей ловчий
зазевался, прицелился егерь, грубо проломлен

еще один лишний проем

правильные решения

их отношения породили немало
недоумения, сплетен, ругани и смеха,
они были выше этики, за гранью нормальных
чувств, вне всего, не особо заметны

он без труда порождал решения
правильные, хоть и поспешно, таков матезис,
она требовала любви, что не пришей ру-
кав, он только любовь и предлагал, потеха

она у мужчин порождала аффекты,
сама к тому не стремясь, так получалось,
не кремь и не нытик, не крокодил, не конфетка,
от напрасных обид крутила со всяким мучачой

их отношения выглядели порождением
социальных условий, экономии секса,
политики искренности, недостатка денег,
особенностей дня, перемотка кассеты

с неважной киноэкранкой

поддавая носком

кукловод не за ту дырку дернул
поддавая носком что придется
извели непонятного излишек
зря на свинтуса того злилась

по злобе образумилась разве
поддавая носком все что трахнул
с неохотой, попусту матерясь и
зря окрысилась на лоботряса

поддавая носком непреложность
пачкотня пузана, сошли с илота
семь потов, наивняк, зефир дунул
все сивушное, сгнило в кадушке

идеал содомский, одна заварка
зря с тем олухом расплевалась
поддавая носком все что жалко
наезжал на слабака, где-то жатва

сам себе не господарь, володыка
Ханади и Озимандия, что надыбал
поддавая носком по наклонной
поэтажно, паства зрячая, лодырь

с элегансом, откормился анчаром
зря права на проходимца качала
не свести синячину на воруго
по ту сторону тихонько трюхал

проступили стигмы, смычка тугая
зря того дуремара домогалась
пережатая арабика в турке
поддавая носком все что стухло

сегмент рынка охвачен, щедротохищник
одичал, улитка в кастрюльке, хилый
эйдос надтреснут, дешевая «Dosiа»
израсходована, возлежание долго

в музейоне, мозжечок все переборет
поддавая носком - и не бьется
ни в какую, колотун, пясть озимых
зря вообще завела с тем разиней

зря на море так и не отдохнула
клюшки взмах, поглелся ханурик
в диспансер, просчитался октавой
поддавая носком все что стало

в копеечку, да не ту

* * *

Борису Гершковичу

Кружит, метет... Сказать, что «всё бело» –
Не много, скажем, чести намело
Стихам твоим... Метет, кружит и валит.
Темнеет. Пузырьки квадратных ниш
Так откровенно свет теряют, лишь
На нижнем этаже, в полуподвале

Пылает обреченное окно.
Поэт Григорин струн коснулся, но
Его не в такт к суровой клонит прозе.
Он думает: «Не жду ли я гостей?
О, нет...» И чай настоенный густей.
Тем часом дверь в котельную заносит.

Кружит, метет... Не ты ли, друг, сказал,
Что я ни разу снег не описал?
Прими ж мой дар, – он вряд полнее горсти, –
Ведь истинным творцом сочтется тот,
Кто, оценив, как кружит и метет,
С лопатой придет к поэту в гости.

* * *

Чем я ныне крепко занят, резко движим?
Пролетанием фанеры над Парижем.
Я бездвижен по себе – тем радикальной
Под фанерою Парижа протеканье.

Не спрошу я: почему, зачем фанера?
Есть Париж, а всё, что свыше – от химеры.
Но – вне споров, стоя мессы для кого-то,
Он достоин и фанеры: для полета.

Облака – иные вкось, иные прямо –
Держат курс в район вечерей Нотр-Дама.
Это к дождю. Фанера же летяща
Ни к чему не может быть. И это – к счастью.

Должный крен тебе, моя!.. Но разве сам я
Не достоин разделить твои дерзания?
Иль душе, в ее предвзлёт-уготовленьи,
Лишь и помнить, что – о косности творенья?..

До свидания в Париже!.. Я – твой кормчий,
Твой лирический вассал, чей бравый почерк,
Воскрущась о положительном примере,
Растекашеся Парижем по фанере.

* * *

Сколько способов бранных судить с кондачка!
Например: «Если кормит, то – любит».
Где найдешь себе, чем заморить червячка?..
В хватком клюве моем, бодром клюве.

Только – тем ли единым живится наш род?
(Чрез плечо через левое сплюнем).
Где, меж бурь, преизбыток небесных щедрот?
В жарком клюве моем, твердом клюве.

Сколь кишат кукушатами гнезда сердец!
Жажда благ... вплоту до снега в июле.
Сколь вершинней: начало всему и конец –
В тяжком клюве моем, грозном клюве!

Пусть развеется вовсе сердечный угар
Для пригревших в груди... не змею ли? –
Ты найдешь себе должное – вечное «Кар-р!»
В чистом клюве моем, черном клюве.

* * *

Это – вслед и во тщету –
Не письмо, а – вместо.
Вольный свет тебе!.. Я жду
Твоего приезда.

Приживаюсь к ноябрю;
Октябри спрягаю...
Фотографии смотрю.
Ты на них – другая.

Ты была на них – живей...
Ну – живи ж, где будешь!
Ибо – нет меня грешней,
Коль и там осудишь!..

Вся надежда: там – друзья;
Худо ли – с друзьями?..
Я, – живу ль, скажи, хоть я
В тесной, глупой раме?

Мне ль не знать о той черте,
Где разлука – лечит,
Разделяя, что ни день,
Более – до встречи?

Мне ль доказывать любовь
Правом выслать гончих?
Ты и в радости – любой! –
Мне, чем краше – горше...

И мне легче распушить
Голой плетью обух,
Чем поверить в нашу жизнь –
Бог с тобой! – бок о бок

* * *

Тише, ворон, я не твой.
Зря кружишь над форточкой.
Мне – пред будущей вдовой
Обелиться б водочкой,

Пропестрить по всем словам
(Я в душе – словесник)...
В курсе, где моя вдова?
Поищи, зловестник!..

Как – уже?.. Ты, брат – Кучум...
Как бы, скоро слишком.
Я такого не хочу
Даже вставить в книжку.

Ну-с, и что? Она в слезах?
Беспечально дышит?..
Вижу: пасть, в твоих глазах,
Означает – выжить.

Что ж, пиши, черняга: пал.
Обошлось без славы.
Не пригреет близ пупа
Мой платок кровавый.

Мой сопливый, постирав,
Я сушить повесил.
Пригодится, если love.
Коль «ни в зисть» – без если.

Ну ж, – за веру, за царя,
Хлеть! – и кубок наземь.
Облака плывут. Заря
Их узором красит.

Озаряясь, нижний слой
Неприлично задран.
Чуешь, ворон? – весь я твой.
Покружи до завтра.

* * *

Прости, но это не блажь
(Дальше – из Блока содрано).
Да, я забыл твой плащ
И даже лицо твоё, –

Но запах твоих волос
(По тону – нечто из злаковых) –
Не смог. И вот – в полный рост.
Впусти. Иль – обрейся наголо.

ЦАРСКОСЕЛЬСКАЯ СТАТУЯ

Урну с водой уронив,
Дева – шандарах ее о риф!..
Чудо, господа:
Знай, бежит вода!..
Буль-буль-буль, тра-та-та, да-да-да.

Дева над вечной струей
Век сидит, печальная собой.
В парках и садах липы шелестят, –
Как я рад, как я рад, как я рад...!

НА ЭННОЕ НОЯБРЯ 2001-го

Видимо, правда в том есть,
Что неврастеник я:
Рюмку до рта не донести
В твой день рождения.

Руку до талии днесь –
Разве, донести... Не далее.
Не говоря уж (не лезь!..)
Про гениталии.

Как бы ни вилс Амур, –
Страхи беспочвенны.
Ладно ж, – беги к своему,
Скорпиончик ты мой...

* * *

Первая, третья – бабочки.
Автор – вторым иль прочим.
«Что же, – летим на лампочку?»
«Как? Мы летим – на лампочку?!..»
«Боже, летим на лампочку! –
Что нам цветок полночный?..»

Чтобы, за корм их сладостный,
Крылышки в такт сложили?..
Нас окрыляет – лампочка,
Мы опыляем – лампочку, –
Да не повянет лампочка, –
Мы заслужили: жили.

* * *

А еще – деревья... Стонут,
Будто ветер. А того и
Нет. И, нет бы – по простому!..
Нет: поют, рыдают, воют, –
Будто ветер. И не то, чтоб
Ветер (будто бы не просто:
Ветер!..) – будто всё непрочно,
Будто – веянье с погоста,
Где листва молчит, в то время...
Будто время – род подмостков
Ветру... А еще – деревья.

***

Как хлещет холодом в разбитое окно!
И письма, похожие на ветки,
Твердят (значение пусто иль темно)
Что в доме поздно подбирать последки,
Что здесь одни окурки и объедки,
Что умерли хозяйева давно.

Как хлещет свет в разбитое окно!
И ты на нем, беспомощный и голый,
Стараясь свой срам прикрыть глаголом,
Твердя, что ты с глаголом заодно,
Но, словно копыа, пригвождают к полу
Тебя лучи сквозь ветхое рядно.

Пора вставать, пора идти на дно,
Нет, по миру с бесформенной котомкой.
Потомки скажут, что одни подонки
Крутили здесь и ставили кино,
А я скажу: где рвется, там и тонко,
И, может быть, с небес душа ребенка
Смеется нам в разбитое окно.

***

Румяную и розовую харю
С кустодиевско-сталинской ухмылкой
Приятно видеть русскому еврейю,
Затем я и приехала в Москву.
Так восхититься хочется, но нечем:
Конфетки и бараночки знакомы,
Еще знакомей рытвины и ямы,
Саднящие и бурые, как будто
Здесь кто-то рвет и не вставляет зубы
Угрюмому подземному дракону
Или вставляет зубы пустоте,
Которая вот-вот проглотит солнце,
Румяное, с морозною ухмылкой,
В овчине и в кирзе. Конец цитаты.
Ну что же, улыбайся, мертвый дом.

***

Я щепка у сваи, на мутной волне,
И бабочка крылья сложила на мне,
И хлипок мой беленький парус,
Как слов обветшавший стеклярус.

Обтрепаны крылья, подмокла пыльца,
Мой символ души не имеет лица,
И стертые, жалки страницы,
Как в бусинках тусклых тряпицы.

Ты шила неплохо, но прелая ткань
Под острой иглой превращается в рвань,
Ты штопала – нервы и жилы,
Но нервов и жил не хватило.

Ну что же, кончать эти игры пора:
Узоры по краю, а в центре – дыра,
Но если в нее заглядеться,
Увидишь фигурку в зеленом плаще
Бредущую в гору, на горном хряще
Поющую песню из детства

О том, что жалеют детей и собак,
И голубизна подает тебе знак,
Сулящий любовь и удачу,
А если она и обманет тебя,
То как бестолковая нянька – любя,
Чтоб ты не икала от плача.

***

– Худший из призраков, – пишет Йейтс –
Распялка, на ней – пальто.
Тебя спросили: “А кто ты есть?”
Ты отвечал: “Никто”.
Тебя спросили: “Зачем ты здесь?”
Ты отвечал: “Прости.”
Тебе сказали: “Ты можешь сесть.”
Но ты предпочел уйти.
Нашел ли ты выход и стал ли зряч –
Лишь Богу известно то...
Что там на вешалке? Белый плащ?
Он не страшней пальто.

***

Уже написала о мертвых друзьях,
Почти разлюбила живых.
Уже поняла, что дела мои – швах
И жизнь обойдется без них.
Старушечку-таксу в попонке ведут,
Хозяйева любят ее.
А мой-то хозяин невнятен и крут,
И нудит, и гонит свое.
И теплая, черная осень стоит,
Где листья – как слезы из глаз.
Я Рим и Париж вместо мертвых моих
Сумела увидеть хоть раз.
Чужими ногами вошла в Ватикан,
С чужою душою – в Д’Орсе.
И если хозяин имеет свой план,
В нем слезы подобны росе.
Ее розоперстая Эос несет
По желтым страницам небес,
Закат провожая, встречая восход
Ушедших со славой и без.

***

Вот тебе старый Домбай,
Вот тебе Новый Завет.
Едет по рельсам трамвай,
Зная, что рельсов-то нет.
Лыжи в клозете висят,
Дети в Сиэтле давно.
Если тебе пятьдесят,
Все про тебя решено.
Голуби, снег, нищета.
Смерти, как грохот лавин.
Вот и ликуй, сирота,
С этим один на один.
Вот и не жди новостей
И вспоминай, словно бред,
Сколько надето идей
Было на этот скелет.
Вот и пляши на ветру,
В платье прорех не латай.
И, как чужую игру,
Вспомни вальсок про Домбай.

***

Ива - колдунья, ива - вдова,
Ива над темной водой крива.
Если оставил муж или Бог,
Смотришь на воду, видишь - итог.
Тело - в изломах, волосы - вниз,
Голос уходит раньше, чем жизнь.
Зренье уходит прежде дыханья,
Что остается? Только зиянье
Мерзлого парка голого, где
Ива трепещет в темной воде.

***

Знакомцы мои, вы теперь вдалеке:
От Брайтона и до Хоккайдо.
Без нот отыграв, мы уйдем налеге
С мученьем своим и со свечкой в руке,
Как в этой симфонии Гайдна.

И нам под землей, как в вечернем метро,
Сыграет прозрачная скрипка
О том, как людей по земле размело,
О том, что над жизнью нелепой взошло,
Как грустная - сверху - улыбка.

И кто-то увидит таинственный свет,
А кто-то в крысином тоннеле
Обдумывать будет бетонный тот бред
Под сетью падений и жалких побед,
Куда мы зачем-то влетели,

И все-то для жизни искали предлог,
И мудрость в помойке искали...
И вдруг я пойму, что меня уберег
Неловкий поклонник, любимый зверек
И кофе в Латинском квартале

***

На старость уехать в большую страну,
Где запах шавермы и роз.
В маразм уходить, как уходит ко дну
Ломоть, ноздреватый до слез.

И не вспоминать ни холодный закат,
Ни мрак, ни повальную ложь
Когда здесь всю Пасху мацою хрустят
И каждый кусок, словно нож.

И быть благодарной за стол и кровать,
И в свечечках страшных музеей.
И русские книги порой открывать,
Как письма от мертвых друзей.

Зато - цикламены из ямок в камнях,
И крапчатых бабочек рай,
И птица в окно залетела на днях...
И громко сказала «Вставай».

А после - клюющие сцену коски,
Летучая флейта спины.
Танцующий сполох любви и тоски,
Мои воплощенные сны

А что я? Я кокон распавшийся твой,
Огня неуклюжий сосуд,
Чье зренье двойное и тайный покой
На торжище танец спасут.

***

А подлинной жизни тебе не покажут,
И занавес Майи так грубо раскрашен.
За ним – лишь звериная морда в погонах.
Всегда экономит она на прогонах,
На красках, на воздухе, свете и пище.
Она ухмыльнется: Ну что мы там ищем?
Какие прозрения? Какие слинянья?
Завеса полярного вспыхнет сиянья,
И строй отражений, что грезился Шелли,
За нею исчезнет. И снова качели:
То вправо, то влево, то джаз, то гармошка,
И харя мигает: здесь все понарошку,
И некогда вспомнить под лягз дребезжащий,
Что кровь в этой пьесе была настоящей.

7
ВЕТХИЙ ЗАВЕТ

Пока дитя не спит, над книгою склоняюсь,
Всерьез увлечено соперницей Диснея,
Под пальчиком его пока бормочет вязь
Некровных вещих букв, я оборвать не смею
Ни словом, ни рукой сей сладостный альянс –
Пусть каша подгорит, пусть ванна остывает...
Проклюнувшись, душа свой оставляет транс,
И медленно растет, хоть быстро прорастает.

***

Прости меня, мне изменивший муж!
Переселяясь в призрачную Хайфу,
Ты веришь ли в переселенье душ
Совместно с телом? Как курильщик кайфу
Кальянному, как книгочей строке,
Как фарисей премудростям Талмуда,
Входя в необратимое пике,
Ты веришь ли, как в правоту Иуда
Свою когда-то верил?... Но прости!
Прости меня за век и за державу.
Детей разделим. Разошлись пути.
В грошовой лексике старухи-травести
Что молвить мне, отведавшей отравы
Иных словес? По сердцу не пришла
Ни матери, ни родине, ни сыну...

Да будет родиной вам то, что мне – чужбина,
Как нам – землей проселков русских грязь.

***

В промерзшем Купчине, в простуженном, в навывлет
Проветренном, в продрогшем навсегда,
В промерзшем Купчине, где снег на рельсах стынет,
И замерзает на лету вода,
В промерзшем Купчине я столько бедовала
С большим ребенком, а потом - с двумя ...
Стихи писала, ссорилась, рыдала,
Три тыщи книг в болезнях прочитала,
И против доли женской бунтовала...

...А оказалось – счастлива была.

***

Прилипший к пальцу телефонный номер
Узором стал, и если прикоснуться
К бумаге, то оставишь отпечаток,
Как бы фрагмент замызанной визитки,
Изношенной в ветшающих карманах,
Но почему-то нужной до сих пор.
Пусть надоели эти цифры так же,
Как их владелец – полумертвый голос,
Бубнящий тривиальности. И все же,
Прикрученный шнуром к повисшей трубке,
Живет он в недрах гулких колебаний,
Как пуповина, как последний шанс
И подтверждение, что покуда живы
Мы в этом мире. Так-то. И не смыть,
Как ни старайся, то, что тленной плотью
Усвоено и стало частью кожи,
Освободив для новых странствий дух,
Не помнящий ни одного на память
Ни телефона, ни стихотворенья.

***

А что останется? Две-три, ну, пять прогулок,
Канал, решетка, запах вод сырой,
И неприметный этот переулок,
И небо с вечно-серой пеленой.

Все так законченно и так угодно глазу –
Природы с городом – мираж? слиянье? блажь?
И вспоминаешь прищвинскую фразу
О родине... Она всегда – пейзаж.

РОЖДЕСТВО

Снова хвойный дух растревожил твое утро –
Так внезапно врезается в кожу болотный осот.
Видно, там и гнездится душа, где изъято ребро,
Потому как не только природа не терпит пустот.

Потому как хоть раз в году пропади и сгинь.
Бросив оземь нажитый трудно свой скарб земной.
Если слишком много проблем, то считай, что их нет – аминь!
Кроме той, одной, для которой был создан Ной.

Ведь, вступив в эти воды раз, не войдешь в другой.
Только в детстве думаешь – в жизни все навсегда.
Поменяй глагол на тире, как «олим» на «гой»,
Поменяй и смотри, как блекнет к утру звезда.

ДЕНЬ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

Октябрь уж наступил, как слон, на ухо лету,
Хоть на дворе июль струится и поет,
И мальчик, дожидая дежурную котлету,
Бойтся прозевать всепятичий перелет.
Рябины рыжей гроздь, до времени созревшей,
Печалит и клонит о вечном размышлять,
И горестно пиит твердит о наболевшем,
Хабарик мнет в горсти и шепчет «...твою мать».
Я так тебя люблю, мой милый, что напрасны
Все доводы ума, мораль и прочий вздор,
И, как могу, таю от рока ежечасно
Сулящего забвенье, гибель и разор.
А горло жжет печаль очередной разлуки,
Вплетая давний вкус в истертую канву,
И размыкает даль сомкнувшиеся руки,
Тишью входя в судьбу, как корабли в Неву.
Столичный житель мой, любовь провинциальна,
Как этот город, как парады на воде,
На скорости другой она живет печальной
Стрельчихой без стрельца в забытой слободе.
И ходит за скотом, и ткет холсты прилежно –
Смиреница... Персты бы только крепче сжать!
Октябрь уж наступил так искренно, так нежно,
Как дай вам только Бог, коль Он захочет дать...

СТАРЫЙ КВАРТАЛ

Почему, почему, если знаешь, как их называть,
На таблички не глядя, лишь чувствуя с почвой сцепленье
Всей стопой, как Антей, новых сил набираясь опять,
Прозревая сквозь стены весь хаос и хитросплетенье
Четырехподворотных и трехподворотных дворов,
Будто в птичьем полете все это держа на ладони
Городком в табакерке – как странно изрезан сей кров! –
Чуть жалея, что просто идешь – не бежишь от погони:
Так легко здесь забиться в межящичный лаз или щель,
Раствориться в парах, что от люков ползут неустанно.
И не верить в реальность свою, сквозь пурги карусель
Не своим языком что-то шарфу шепча покаянно.

***

Ликованье по поводу жизни подходит к концу,
Как и жизнь сама... Что, возможно, к лицу юнцу,
То в лице у мужа вызовет лишь досаду.
Старой райской птице смешон задорный щенок,
Со всех ног бегущий за палкою... Видит Бог,
Коль зовут, то не в райский сад, а в сад к маркизу де Саду.
Старой райской птице с ее неживым хвостом,
Подагрической лапой и облысевшим крылом,
Затупившимся клювом, подслеповатым глазом,
Обреченной вечность в немощи проводить
Не поверит тот, кому назначено жить
Только раз всего, а не вращать раз за разом
Вхолостую гончарный круг, где рука Творца
Не коснется глины, пот не сотрет с лица,
Отмахнувшись: «Сделано! Думаешь, лучше иначе?»
Бесконечный текст, удушливый, как змея,
Обвивает горло майского соловья,
Прерывая хрип, а веселую трель – тем паче.

***

сидели-сидели,
сидели-говорили,
сидели-думали,
встали-пошли,
вспомнили-оглянулись,
спорили-спорили,
думали-решали,
надо-не надо,
вернулись-посмотрели,
брат-не брат,
наше-не наше,
взяли-пошли,
шли-шли,
шли-говорили,
говорили-молчали,
шли-остановились,
стояли-спорили,
спорили-кричали,
так-не так,
хорошо-не хорошо,
стоит-не стоит,
по делу-не по делу,
надо-не надо,
вернулись-положили,
всего-ничего,
положили-пошли.

***

Я шёл пешком,
а ты – в обнимку,
ты – с портвешком,
а я – с устатку.

Ты – через двор,
я – через силу,
ты – хоть на спор,
я – хоть бы живу.

Ты – подшофе,
а я – под арку,
я вставил «фе»,
ты вставил пробку.

Я счёл за жест,
ты счёл за случай.
Входя в подъезд,
войдешь в обычай.

***

групповая фотография
9 x 12,
в первом ряду
слева направо
сидят:
неизвестный,
неизвестная,
неизвестный,
во втором ряду
слева направо
сидят:
неизвестная,
неизвестный,
неизвестный,
в третьем ряду
слева направо
стоят:
неизвестный,
неизвестная,
неизвестный,
неизвестный,
неизвестный,
автор фотографии
неизвестен,
фотография
неизвестно как
попала в руки,
неизвестно зачем
её нужно рассматривать,
неизвестно о чём
говорить.

**ИЗ КАТАЛОГА ВЫСТАВКИ
НОВЫХ ПОСТУПЛЕНИЙ
РУССКОГО МУЗЕЯ**

«Женщина в белом»,
неизвестный художник,
середина 19 века,
дар модельера Юдашкина.
«Игра в бисер»,
неизвестный художник,
начало 21 века.
«Портрет Дориана Грея»,
художник-нонконформист,
не позднее 1967 года.
«Поднятая целина»,
художник школы Венецианова.
«Дама с собачкой»,
авторство не установлено,
конец 19 – начало 20 века,
дар клуба собаководов.
«Малая земля»,
мастер батальных сцен,
студия имени Грекова.
«Над пропастью во ржи»,
автор картины неизвестен,
ранее приписывалась Шишкину.
«Флейтист Данилов»,
художник круга Арефьева,
между 1973 и 1981 годами.
«Смерть комсомолки»,
кто-то из «митьков»,
не ранее 1979 года.
«Портрет художника в юности»,
художник круга «мира искусств»,
дар Пенсионного фонда.

***

Где начало всех начал,
где кончало всех кончал?

Где мерило всех мерил,
где ценило всех ценил?

Где удача всех удач,
где просрача всех просрач?

Где молчало всех молчал,
где кричало всех кричал?

***

Будет ли твой путь успешн,
если ты не конн, а пеш,
если путь и денн, и ночн,
помысел не беспорочн.
Волочить свой тяжкий крест
без надежды быть воскрестн?
Грех ли в том, что был ты праздн,
в темноте блуждал твой разм?
Должно, в том и есть твой грех,
что от веры был отвергт.
Обступив, и в бред, и в явь,
воют твари, пасть раззявь.

***

Мужик сидел на склоне. Пас
козла с козой.
Подумал: надо ж, вот те раз,
он козлопас
иль козодой?

Спросил его: который час?
Вопрос пустой.
Ответил и почти потряс:
да, как вчерась,
шестой.

Выходит – он шутить горазд,
балда – балдой.
Сказал себе на это: пас,
он козопас
и козлодой.

МЕТРО

неПРИ
неСЛО
неНЯ
неТЬСЯ
неПРИС
неЛО
неНЯТЬ
неСЯ
неПРИСЛ
неОН
неЯ
неТЬСЯ
неПРИСЛО
неН
неЯТЬ
неСЯ
неПРИСЛОН
неЯТЬ
неС
неЯ

***

ша – сказала,
ха – сказал,
но – сказала,
о – сказал,
да – сказала,
а – сказал,
ну – сказала,
у – сказал,
фи – сказала,
хи – сказал,
до – сказала,
во – сказал,
на – сказала,
ба – сказал,
ах – сказала,
эх – сказал,
ой – сказала,
ай – сказал,
эй – сказала,
э – сказал,
ох – сказала,
ух – сказал,
оп – сказала,
о – сказал,
и – сказала,
ы – сказал.

ДЕРЕВНЯ

Причудилась деревня,
не то увидишь дремля,
дремля – едино, бля,
присовокупля
небо – облака,
бля – исподтишка.
В радость перестарку –
познавать доярку.
Те ещё затеи,
евнухи и геи,
умрите, я умру,
проиграв игру.
Нервно до соска
тянется рука,
не усугубля
остальное, бля.
Рукоблуд во сне,
чую – на коне,
т.е. – всё тип-топ,
молоко захлёб
пью, и до пупка
достаёт рука.
Дальше что? Запрет?
Да? Скорее – нет,
нет и как тут быть –
падать или плыть
в прорву – крик и рёв,
мычание коров, –
страсти истребля,
все, бля, до нуля.
Бля – вместо плевка
свалилось с языка.
Милая деревня,
для кого-то – ебля,
для кого-то – сон,
голым, без кальсон,
небо – облака,
бля, – без матерка.

ТАТАРИН

Ну, что татарин?
почему татарин?
зачем татарин?
кто татарин?
когда татарин?
где татарин?
причём татарин?
с кем татарин?
как татарин?
Сам татарин.
Все мы – татарин.
Отец – татарин,
брат – татарин,
сын – татарин,
кто не татарин –
совсем татарин.
От Крыма до Казани –
татарин.
Заснул – татарин,
проснулся – татарин,
вчера татарин,
всегда татарин.
Говоришь – татарин,
молчишь – татарин.
Мало – татарин,
много – татарин,
сколько-нибудь –
тоже татарин.
Можешь – татарин,
не можешь – татарин.
Татарин, татарин,
без конца татарин.
Здрасьте – татарин,
до свиданья – татарин.
Пошёл в жопу – татарин,
дал в морду – татарин,
получил в зубы –
татарин.
Почём товар, татарин?
какой навар, татарин?
Молчи, сука, татарин.
Налево татарин,
направо татарин,
прямо – нет, татарин,
а где татарин?
Там татарин,
где нет, – татарин.
Беги, татарин,
держишь, татарин,
не бэди, татарин.
Кино – татарин,
говно – татарин,
вино – татарин,
водка – татарин.
Порно – татарин.
Украл – татарин,
не взял – татарин.
Чечмек – татарин,
дурак – татарин,
мудак – татарин.
В зад – татарин,
в рот – татарин.
Лес – татарин,
степь – татарин.
Сам видишь –
кругом татарин,
Китай – татарин,
Израиль – татарин.
Буш – татарин,
Путин – татарин,
нет, Буш – татарин,
Путин – не татарин.
Но Шрёдер – татарин,
говорит – не татарин,
посмотри – татарин.
Все – татарин,
были татарин,
будут татарин.
Ты меня не любишь –
татарин,
я тебя люблю –
татарин.
Кончай, татарин,
пошли, татарин.
Елда – татарин,
монда – татарин.
Куда, татарин?
сюда, татарин,
зачем, татарин?
да так, татарин.

***

Сомнамбулическую пруть
смирняет шелковая нить
за полчаса до новолунья,
и плачет юная ведунья,
не в силах расплести клубок
затверженного назубок
такого важного заклятья –
чтоб он упал в её объятия,
навек-навек забыв-забыв
про этот мир, который лжив,
про дни, которые короч
от ночи к ночи...
– не захочет.

***

Неутолимая жажда нежности –
той, что превыше любви, ненависти
–
днём отступает, стихает, прячется,
ловко рядится хандрой, ребячеством,
сбитою шляпой, забытым зонтиком,
брызжущим соком, лимонным
ломтиком.
ждушим альковом – где ночью
каждою
снова становится просто жаждою –
жгущей, томящей, свербящей,
жалящей,
отмежеваться не позволяющей
ни телефонным звонком
внеплановым,
ни матерком, ни апломбом клановым,
ни созерцаньем унылой внешности
сквозь пелену этой самой нежности...

***

Просящей в долг кусочек смерти –
мне отказали
без объяснения причины,
как на вокзале;

но что-то в розовом конверте
нашлось за рамой:
листочки трепетной осины –
ну да, той самой...

***

Предстоящая разлука
второпях протянет руку.
Улыбнись, пока не поздно,
заходящим нашим звёздам –
пусть отыщут это лето,
затерявшееся где-то
между небом и водою –
и возьмут меня с собою,
и возьмут тебя с собою –
нас обоих в голубое,
непонятное всегда.

***

Не перейдя границы
(было бы чем гордиться),
двигаю восвояси,
уподобляясь птице,
чьи непонятны речи
и очертанья смутны:
ветер почти попутный,
так что не бойся встречи,
робость свою калеча
вспышкой сиюминутной.

Ангелы не солгут нам,
пообещав блаженство
в счёт отказного жеста
и обеспечат место
тем, кто шепнув а presto
прячется в перспективу –
к ужасу детектива,
к радости казначея.

– Чей ты, птенец?
– Ничей я.

***

Если в городе, душном от злости,
накануне развязки войны,
мы с тобою, глядящие в оба,
проморгаем дробление луны –

то-то весело будет брыкаться,
оказавшись на дне пустоты –
цепенеть, сатанеть, разбираться,
кто потерянной – я или ты, –

и уже покрываясь коростой
так предательски прожитых лет,
осознать, что летать – это просто.
И свести осознание на нет.

***

Вот оно –
долгожданное
кисло-сладкое
блажное
ничто.

Вокзалы цепенеют:
один никак не простится,
другой не встретит.
Не поделили меня –
ОК, никуда не еду.
Перезимовать легко:
забиться куда подальше
и носа не высовывать,
пока всё как-нибудь само
не решится.
Но потом начинается.
Чего-то хочется, куда-то тянет.
Брось.
Чего ты там не видела.

***

Как прогоревшая звезда,
он шепчет: больше не играю,
и замыкает провода,
и тенью движется по краю,
к тому, бездонному всегда,
где я пою и умираю –
он знает: это не беда,
я просто номер набираю.

***

Итак, запомнить этот взгляд.
Мне больше ничего с собою
взять не позволяя.
Детский мат
ночному ангелу с трубою,
и стрелки Стрелке говорят:
здесь и сойдёмся.

***

Перебирай варианты,
просчитывай,
взвешивай за
и против –
и вновь воздержась
от принятия решения,
годам к тридцати
обесцветив донельзя
водичкой глаза,
увидишь всё так,
как оно и замыслено –
в этом спасенье,
а вовсе не в меринах,
метрах, мочалках,
мадоннах,
мостах
из прошлого в будущее
и обратно –
над тем настоящим,
что будь оно трижды неладно –
всего лишь смятенье и страх
да чувство вины
перед чьим-то сверчком,
не с тобой говорившим.

***

Он не заслуживал покоя
и знать не ведал, что придётся
здесь зимовать. Махнул рукою
и ждал, что память отзовётся
хотя бы эхом. Не дождался.
Сложил камин, завёл собаку,
считал недели и сбивался,
всё чаще представлял Итаку –
с одной-единственной поправкой:
на собственное неявенье.
И прятал под подушкой Кафку,
как замышляя преступленье.
Едва наладилась погода
и ветер вспомнил направленье,
он вышел к морю до восхода,
благословил его стремление –
и взял себе другое имя,
снедаем страхом и упрёком –
дабы домашними своими
не соблазниться ненароком.

***

Всё, что было для школьного возраста,
там и осталось.
Тополиные шашни наводят теперь
аллергию, усталость,
и с досадою смотришься в тусклое
зеркальце видеоплёнки:
чепуха, чепуха – повторяешь и водишь
ножом по клеёнке.
Времена изменились, и ты так усердно
менялся,
что почти уподобился им, растворился,
не то растерялся
в искромётной пыли, обдирая хвосты
мимолётным жар-птицам –
не затем, чтоб писать – на боа да на шляпки
незванным сестрицам.
Счастье плещется в залитой воском
бутылке...
Возможно
изменить направление ветра, подкрасться
к тебе осторожно,
нашептать, приголубить, прикинуться
звёздочкой, ниточкой, тенью –
вот и снова подросток, покорный во всём
одному вдохновенью...

***

Карусели плыли в небо,
были пусты.
Диковинные звери
поджимали хвосты: страшно.
Так светло, как ещё никогда,
и так тихо, так тихо, –
и во всём городе
отключено электричество.
Карусели, возившие нас –
тебя и меня –
и ещё сонмы прочих,
для чего-то
отправились в путь;
им и цель неизвестна,
а все не захотели
остаться – здесь, без нас.

***

Славные песенки поются
накануне больших свершений.
Барышни принаряжаются,
юноши примериваются:
по руке ли оружие?
Птицы молчат и прячутся,
книги стискивают переплёты,
кровь времени сворачивается.
То ли ещё будет!
Вернутся с победой,
заживут по-новому,
учредят неслыханное,
учинят невиданное,
а иначе – зачем всё?

СХОЛИИ

* * *

пролеты моста
колеса мельниц

рожок почтальона
и перегоны метро

<и Гете Гете конечно!>

не прислоняться
не спать

крепкие
мужские объятия

сентиментальная чепуха

«заткни пасть»

буквы «М» и «Ж» стерты

* * *

все что связано с подлинностью
мыльный привкус

техномызыка из дверей кафе
пролегомены

ко всякой будущей метафизике
воображаемые решения

катакомбы

«никогда не говори со мной
таким тоном»

красно-коричневая чума
новый порядок означающих

the sun is going so fast

березки
полупроводники

сновидения
обрезки ногтей

сопротивление бесполезно

* * *

реклама volvo и вульвы
нила и сены отца и сына

(параллелизм
аллюзии

пустые места

теодицея

для пассажиров с детьми

паронимическая аттракция

<это не стихотворение>
это теологические ухищрения товара

самореклама (откровение

святого духа
в абсолютной разорванности

* * *

первобытный идол
фетиш или Грааль

место эпифании
и исчезновения

заклинания
и искупления слова

опредмечивания
превращения в вещь

пройти через отчуждение
развоплотиться

<эстетический опыт>

превратить себя в изысканный труп
surplus value

перламутровый след

речь не о человеке

весь его пыл

неосязаемая фантомность живого
присвоение ирреальности

последняя явь

.....
.....

«я буквально разъят на части»

* * *

натяжение или искривление нервов
затвердевшие или воспаленные органы

особое качество
неосязаемый цвет

уникальная
и преходящая форма

(покраснение.

уплотнение.

жар.

видимое на аутопсии поражение.

речь идет о сложных
производных процессах

с помощью которых артикулируется
сущность болезни

* * *

непосредственная чувственность
клинического подхода редукция

болезнь как имя есть частное бытие

разрушая ткани
движение или функции

хирургическое вмешательство
обретает плоть

особое качество
неосязаемый цвет

уникальную
и преходящую форму

лингвистической структуры реального

(таким образом
мы вправе сказать

<если искусство хочет выжить
в условиях промышленной цивилизации
художник должен научиться
воссоздавать
в своих произведениях разрыв
между потребительской стоимостью
и традиционной понятностью>

разрыв

который и составляет по существу

опыт шока

* * *

ни нарывающих виноградниками холмов
ни терцин обещающих очищение

утилизация образа
мониторинг

валоризация трещины у тебя в паху
бесчестит воображение

чистая длительность предложения
заняться любовью

разрушительное сияние
выставленных в витрине мощей

представь
что ты еще жив

в сослагательном наклонении
в информационных сетях

глянцевые костры
аура всесоуженья

аура исчезновения ауры
<назови себя Беньямин>

аутоэротизм и ауто-
референциальность искусства

искусственный член
задроченный троеперстем

крестовый поход
капитала

вложенного
в крестовый поход

In <the> dead God we trust

* * *

в «Бытии и Времени» (на странице
163) Х. утверждает:

как словесное озвучание
основано в речи

так акустическое восприятие
в слышании

что же он слышит?

скрипящую телегу
мотоцикл

северный ветер
стук дятла

потрескивание огня
колонну на марше

<в этом месте мы закрываем глаза
и прислушиваемся к сердцебиению>

<Ханна Арендт шепчущая люблю>

<документальная хроника>

слышание (утверждает он там же)
конститутивно для речи

* * *

обезглавленный
ходит еще четыре часа

стихотворение в прозе
о нежных пуговицах

ангел истории со свастикой
на серебряных крыльях

(их ему не сложить
перманентная катастрофа

алеаторика
клинамен

избирательное сродство
IBM

эмпирическое определение правил
(их ему не сложить

сказать ли

все они уходят во тьму

нацизм последовательно приходит
к эстетизации политики <или смерти>

<иными средствами>

* * *

<это не стихотворение>
существительное <Целан>

<и Гете Гете конечно!>

некий смысл
пусть в отсутствие и украдкой

«увидеть Александрию
и умереть»

«я буквально разъят на части»

<некий смысл>

обезглавленный
ходит еще четыре часа

но сказать это
значит сказать

повешенный висит вечно

январь 1999

САМИЗДАТ

ТЕКСТЫ • ФАКТЫ • КОНТРВЕРСИИ

ДАВИД ШРАЕР-ПЕТРОВ (из письма):

«...Спасибо за внимание к моим ранним стихам, ходившим в конце пятидесятых и позднее в списках. Это было до Бродского, до Кривулина и Шварц. Я родился 28 янв. 1936 г. в Ленинграде. Детство провел на Урале в эвакуации. Узнал много народных слов и обрядов. Писать стихи начал с 12 лет. Тогда же принялся переводить стихи, в основном, по интуиции, так как языков не знал. Лет до 15 сочинял хулиганские стихи, что отражало быт мальчишки с Выборгской стороны Питера. Именно в 15 лет призошел перелом: я прочитал «Конь Блэд» Брюсова. В 19 лет сочинил около 20 блюзов. Все потеряны. И пошло, и поехало... Стихи мои («Ты любимая или любовница», «Дерите девушкам цветы» и др.) стали фольклорными. А «Не приходи во снах и наяву» к тому же чудом попало в антологию русской любовной лирики – «Песню любви» (1967). Сейчас составляю книгу избранной лирики «Форма любви»...

ДАВИД ШРАЕР-ПЕТРОВ (краткая справка):

Премия «Литературной газеты» и журнала «Дружба народов» за переводы из литовской поэзии, Москва, 1977.

Член Союза Писателей, 1976–1980.

Сборник стихотворений

«Песня о голубом слоне» назван «Энциклопедией Британика» в числе лучших русских книг 1990 г.

Роман «Герберт и Нэлли» номинирован на Русский Букер–93.

Член Международного Пен-Клуба.

КНИГИ:

«Холсты», стихи, Россия, 1967.

«Поэзия и наука», эссе, Россия, 1974.

«В отказе», роман, Израиль, 1986.

«Друзья и тени», мемуарный роман, США, 1989.

«Песня о голубом слоне» стихотворения и поэмы, США, 1990.

«Вилла Боргезе», стихотворения и поэмы, США, 1992.

«Герберт и Нэлли», роман, Россия, 1992.

«Москва Златоглавая», мемуарный роман, США, 1994.

«Пропавшая душа», стихотворения и поэмы, США, 1997.

«Питерский дождь», стихотворения и поэма, Россия, 1999.

«Французский коттедж», роман, США, 1999.

«Замок в Тыстамаа», роман-фантелла, Эстония, 2001.

«Барабаны судьбы», стихотворения, Россия, 2002.

СТИХИ 1956-1959

НАДОЕЛО

Мне надоело прибором Обри
Быть в сумашедшем стремлении.
Сцены и слезы бросить в обрыв
К солнцетомящейся лени.
Краской блестящей чернеть в чужих
Стихах нейлоново-нежных,
Пока не вздумаешь ты положить
На грудь поэта подснежник.
Но вырвусь я из рыжего рая
И крикну трусливым знакам:
Составьте стих, как псы умирают,
Как я люблю Пастернака!
1956

ПРИДИ

Все несказанное — отдай.
Черноморье волос принеси.
Никогда, никогда, никогда
Позабить себя не прои.
Если тень на пути — обойди.
Если золота россыпь — отбрось.
Через тины-болота ползи,
Сквозь плотины-годины плыви,
От дыханья чужого себя огради,
Убеждай, убивай, умирай, лги, кради,
Но приди.
1956

ЛЕТНЯЯ ФАНТАЗИЯ В ГОД РАЗОБЛАЧЕНИЯ СТАЛИНА

Осталась соль сухая на губах,
Белесые и легкие кристаллы.
Ты помнишь, в незапамятных годах
Ее таскали, осенив крестами,
А после шли в шинки и кабаки
И матерились смачно и наславу.
И жерновами зрели кулаки,
И пятаки слезились на прилавок.
Ты помнишь, соль сухую на губах
Вкушали губы толстозадых скотниц,
Постельным духом пахло от рубах,
И зубы с кровью лезли в травы с кольев.
Осталась соль. Но ведь не та река.
И дело вовсе не в меридианах.
Усохнет тело злого старика.
Но тирании соль на наших ранах.
Любимая, не жду и не надеюсь.
Среди друзей не вру и не хвалюсь.
Как соль с водой морскою не разделишь,

Так я в тебя валюсь, да не вольюсь.
Сухая соль — отметинки на веслах,
Отметинки отменного жилья.

О, не мечтай, не назначай мне весны,
Где нет рассола крови и жнивья.
Жнивья годов, жнивья голов — любимых,
Замученых, оторванных от губ,
Где нет гробов, проклятых и хранимых,
Кровавый знак, как соль сухая, скуп.
Кровавый знак любви и становленья,
И рабства и бунтарства горький пот.
От соли этой жажда сотворенья:
Жить на живот и драться на живот.
1956.

ЯЗЫЧЕСКОЕ

Колдуны сварили брагу,
Замешанную на крови.
И поднялись лесные братья,
Медвежьим сердцем чуя радость
И чутким нюхом сладость вин.
Взывали колдуны к богам
И били в гулкие бока

Медвежьих шкур. А валуны
Вкушали прелести луны,
Готовой к жертвоприношенью.
И месть ползла кровавой тенью.
1957

* * *

Я писал о синем небе,
Я бродил в чертополохе.
Солнце в зеркале залива
Умирало каждый вечер.
А теперь о звездных даях,
О ночах, дрожаще-черных
Я мечтаю, чтоб увидеть

Свет в глазах твоих еврейских.
1957

ТЫ ПРИЕДЕШЬ

Ты приедешь на днях.
В чемодане картонном
Запах угля и дыма,
Запах маленькой станции.
Чемодан заберется
на старое место,
Словно кошка, уснет,
набродившись во тьме.
Ты приедешь на днях.
Я знаю наверно.
Мимо дома бегут
и бегут поезда.
Вместе с запахом дыма,
Густым и тревожным,
Вместе с запахом угля,
Глубоким и черным,
Близнецы-односудьбцы,
Стальные бродяги
Мне примчали
Единственный,
Глубокий и черный,
Густой и тревожный,
Мною лишь различаемый,
Запах твой.
Ты приедешь на днях.
1958

ДАРИТЕ ДЕВУШКАМ ЦВЕТЫ

А. Найману

Дарите девушкам цветы,
Дарите им слова простые.
Берите девушек святых,
Ведь нынче в моде несвятые.
Была бы разве Магдалина
Христу покорна и нежна,
Когда б до этого в малину

С любым бездельником не шла?
А нет цветов и нету песен,
Так уступайте двойникам.
Не посылайте только писем,
Назначенных для дневника.
1958

СКАМЕЙКИ

Скамейки, скамейки, скамейки,
 Деревья, мосты и река.
 Упрямая юная змейка,
 Которую ловит рука.
 Стаканы, стаканы, стаканы,
 Бессилье стихов и вина.
 Какому-то истукану
 Любимая отдана.
 Не надо, не надо, не надо...
 Квадраты такси на пути.
 Блестящий асфальт Ленинграда,
 Никак от дождя не уйти.
 Туманы, туманы, туманы.
 Какая тоскливая жуть.
 Платок достаю из кармана
 И узел на память вяжу.
 Скамейки, скамейки, скамейки,
 Кленовые листья в стыду.
 Блестящую юную змейку

Поймают и продадут.
 1956

НАТЮРМОРТ

Космос или косметику —
 Что завоюешь ты?
 В резиновой арифметике
 Болтвецки болтались болты.
 Воскресно лысели витрины,
 Твоим пожираемы ртом.
 Какого-то нового Грина
 Осенний написан том.
 Ловите мой нюющий голос
 В блестящем потоке монет.
 Целуется Северный Полюс
 С потрепанным портмоне.
 А я провожаю трамваи
 В искрящихся дугах стиха.
 Скажи, для чего ты срываешь
 Гардинных поэм полыхань?
 Закрой на сапожную щетку
 Поэта минутную хворь.

Писать надо дерзко и четко,
 Писать про заплеванной двор,
 Писать про звонков канонаду,
 Срывающую с перин.
 — Не бойся!
 — Не надо. Не надо!
 — А хочешь, поди — отопри!
 1956

ОДНАЖДЫ

Втопан в промерзший асфальт
 Тоскливо-обиженный крик.
 Гордая резкая фальшь.
 Любовник. Поэт. Старик.
 Горечь осенних встреч
 В карцере лестничной тьмы.
 Умная злая речь.
 Сарказмы глухонемых.
 Клятвы. Тягучий плен
 Всплывает от ужаса слов.
 Нервная дрожь колен.
 Ритм любопытных голов.
 Такси уносящий миг
 Смял собакой «Прости».
 Бросьте слушаться книг
 В губы вонзите стих.
 1956

ВЕРНОСТЬ

Двадцать пять отдал за ночлег.
 И лег.
 Только спать не смог.
 От слез намок
 Ваты измятой клочок.
 Спиртом не пах рот.
 Греться не лез в грудь.
 Подумала: Барахло!
 Выгони к утру!
 Он напрягая вены,
 Испытывал верность.
 1958

ВЕСНА

Я перешагиваю через огромные реки
 С острова на остров
 В широчайшем океане,
 Которому название Весна.
 Обхожу котлованы,
 Вырытые в земле, холодной сверху
 И горячечной, в пару — изнутри.
 Я перешагиваю через рукава рек и проливы,
 Как Гулливер в стране лилипутов.
 А время перешагивает через меня,
 Оставляя следы своих ног —
 Облака.
 1957

ЩУЧЬЕ ОЗЕРО

Помню Щучье озеро —
 Темная вода.
 Твои груди острые,
 Руки — невода.
 А лодочка, как лилия
 В глиняном кувшине.
 Ты моей жизни линия,
 Придонная кувшинка.
 Зеленый стебель воду
 Прошел, чтоб желтым стать.
 Меня бросает в одурь
 Твоя литая статья.
 Но выбухают росы,
 Сверкают голыши.
 Ты головою русой
 Уходишь в камыши,
 Уходишь в гнезда галочьи
 И в хоровод опять.
 И палочкой-стукалочкой
 Являешься опять.
 1959

ТЫ ЛЮБИМАЯ ИЛИ ЛЮБОВНИЦА

Ты любимая или любовница,
 Удалой я иль просто удачливый?
 Когда туча дождем наполнится,
 Я ударю в калитку дачную.
 А с площадки, утопанной танцами,
 Унесут радиолу с пластинками.
 И на ветках, наверно, останутся
 Звуки рваными паутинками.
 Я возьму твои пальцы тонкие,
 Поведу тебя в синие заросли.
 Станут сумерки вмиг потемками.
 Станут молнии желтыми заревами.
 Там, где дачи и крыши с навесами,
 Будет сухо и тихо за окнами.
 А воскресные парни с невестами
 Сядут чашек дымящихся около.
 А природа, промытая ливнями,
 Шевельнет ночными глубинами
 И ответит листьями малинными:
 Ты любовница или любимая.
 1958

**ЛАДОЖСКИЙ ЛЕД
ДВИЖЕТСЯ ПО НЕВЕ**

Морские владыки,
 Скуластые доги,
 Скалистые доки.
 Из Ладоги дикой
 Надолго, надолго
 Приди-ка, приди-ка!
 Пугаются доги,
 Скуластые доги.
 Пугаются доки,
 Скалистые доки.
 Из Ладоги хриплой
 Со свистом и скрипом,
 С гудением льдины
 Крошатся пугливо,
 Весь день громыхая.
 К заливу! К заливу!
 Из тюрем, квартир,
 Из сортиров, вагонов
 В гудящие сине-зеленые гонги!
 От зданий глазастых,
 От догов скуластых,
 От дани, от ласки,
 От дыма, что заслан,
 Душить нас негласно.
 От дыма, что заслан,
 Да тучею заслан.
 1957

ВОСПОМИНАНИЕ

Рыдание рамы оконной.
 Рычанье дворового пса.
 Мальчишка в рубаше посконной,
 Бредущий в кудельках овса.
 Все это — военное детство,
 Реалий несхожих соседство,
 Предтеча терзаний моих —
 Всю жизнь проживать за двоих.
 1957–1958

ДЕВУШКУ БИЛИ

Девушку били,
 Резали волосы,
 Отсекали волнистые
 Тупым ножом.
 Девушку били,
 Обзывали сволочью,
 Позабыв матерей, сестер, жен.
 Девушку били
 У канавы, наплаканной
 Семящим, царапающим дождем.
 Девушку били.
 Стучал заплатами
 Стародавний, как злоба,
 Дачный дом.
 1958

ГЛУХОНЕМЫЕ

В аллее парка, на скамье
 Влюбленные глухонемые,
 Словно актеры теневые,
 Полуповернуты ко мне.
 Показывают о весне
 Их пальцы, как цветы большие,
 Пугливы лица их лесные,
 Как рыбы в золотом окне,
 Будь мы с тобой на месте их,
 Твои ладони сжал бы с силой,
 Чтоб ты меня освободила
 От слов немислимых своих.
 Мне лучше так до смерти ждаты
 И пальцы лживые сжимать.
 1959